

Мария П. Котюрова (Пермь)

Научная коммуникация и толерантность

105

✦ **Ключне речи:**
научный текст, целое научное произведение, толерантная/нетолерантная научная коммуникация, понимание и оценка старого знания, стремление быть понятым адресатом.

Напряженный поиск путей развития, осознание заблуждений, связанных с формированием «культурных матриц техногенной цивилизации» (Лысков 1997: 104), и стремление к их преодолению имеют место в разных областях человеческой культуры – в философии, религии, науке, искусстве. В этом плане основанием, фундаментом дальнейших рассуждений могут служить: идея *ко-эволюции*, то есть совместного развития природы и человечества, понятие (закон) *содействия*, отражающее особую форму взаимодействия государств, коллективов, индивидов (Аверьянов 1981: 61; 1988: 83), а также одно из важнейших условий эффективного общения – *толерантность* коммуникантов.

Научни текст се разматра као когнитивно–медиялна структура која интегрише сазнања научних претходника, развија и уобличава знање адресанта и формира знања адресата – потенцијалног настављача. Научном тексту као виду „лепог изражавања“ својствена је толерантност – *разумевање* старог знања и тежња *да аутор буде схваћен* од стране читаоца.

В статье рассматривается толерантность в научной коммуникации, обусловленная стремлением автора понять предшественника, использовать уже полученное им знание для формирования нового и изложить это *новое знание* так доступно, убедительно, аргументированно, одним словом, понятно потенциальному продолжателю, чтобы он мог «подхватить» необходимый фрагмент в качестве старого, опорного.

Ясно, что проблема толерантности коммуникации многогранна и потому требует ограничения. В связи с необходимостью конкретизации этой проблемы кажется бесспорным обобщение Л. В. Скворцова: «Адекватное толкование толерантности возможно, но лишь

Система 2002

в том случае, если принимается во внимание ее конкретное содержание. Одно дело толерантность в структуре межрелигиозных отношений, другое – толерантность в идеологической сфере. *Особая проблема толерантности – в структуре научного мышления* (Курсив наш. – М. К.)» (Человек 1996: 6).

Лингвистический аспект этой проблемы предполагает обращение к научным текстам, которые фиксируют научное мышление, хотя и в редуцированной, рафинированной речевой форме, абстрагированной от конкретно-чувственной реальности познания, однако в форме развернутой мыслительной деятельности.

На первый взгляд, проблема толерантности научной речи охватывает материал, который можно характеризовать «от противного». И тогда в поле зрения исследователя попадают отдельные «проявления» нетолерантного речевого поведения автора. Яркие примеры нетолерантного речевого поведения автора связаны с негативной оценкой идей, гипотез, концепций ученых [хотя в целом для негативной оценки в научном тексте характерна смягченность, некатегоричность (Зверева 1977; Троянская 1982, 1983; Шукарева 1980, Красильникова 2000 и др.)].

Научное мышление по своей природе имеет коммуникативно-медиаальный характер: опирается на знание, полученное предшественниками, и обращено к возможным последователям. В первом случае коммуникативная функция автора (а значит, и толерантность) осложняется пониманием старого знания (экспертной деятельностью по отношению к научным текстам предшественников), во втором – убеждающей констатацией, развертыванием нового научного знания.

Как писал У. Найссер, «общение людей открывает ни с чем не сравнимые возможности для понимания, но также и для ошибок, непонимания и обмана» (Найссер 1981: 204). И это при том, что адресант как бы планирует позицию воспринимающего адресата, опираясь на единый, хотя и в вариантах, социокультурный и эпистемический фон, присутствующий также и адресату. Вместе с тем понимание научного текста представляет собой, по определению философов В. В. Кима и Н. В. Блажевича, «весьма сложное теоретизированное отношение к действительности, проходящее в различных формах: усвоение научных фактов (интерпретация), усвоение отношений между ними (научное объяснение), обнаружение системообразующих фактов (концептуализация), а также в любом их сочетании» (Ким, Блажевич 1998: 118).

Представляется существенным подчеркнуть, что уже само обращение к проблеме понимания текста, значит, не только к его содержательно-тематической стороне (на чем основано цитированное определение понимания), но именно к познающему субъекту требует от нас пристрастного отношения к тому, как выражена в тексте эта самая субъективность. Действительно, учитывая то, что научный текст «фиксирует социальное отношение, связывающее субъектов познания, один из которых выступает в качестве субъекта общения, а другой – объекта общения» (Ким, Блажевич 1998: 116), можно говорить не о собственно лингвистическом, но о дискурсивном изучении научного текста, поскольку такой анализ позволяет иначе структурировать понимание авторского сознания, его индивидуальности и увидеть проявление такой личностной характе-

ристики, как толерантность, в научной речи – речи коммуникантов высокого социокультурного уровня, т.е. «хорошей речи», одним из критериев которой О. Б. Сиротинина считает понятность адресату (Хорошая речь 2001: 20).

Представляется, что содержанием толерантности речи служит *понимание* (в разной степени) активным субъектом (адресантом) текста своего коммуникативного партнера (предшественника), а также *стремление быть понятым* возможным читателем или даже потенциальным последователем. Поскольку различна направленность коммуникации, то различны и содержание толерантности, и форма – эксплицитная либо имплицитная.

[Толерантность – *категориальное* качество речи, поскольку в ее основании лежат такие взаимосвязанные признаки, как толерантность – нетолерантность. Реализация любой категории, как известно, осуществляется в соответствии с градуальным принципом, поэтому всегда не в полном объеме, а частично, что обуславливается творческой индивидуальностью ученого, проявляющейся в культурно-речевом аспекте коммуникации. Эти вопросы здесь не рассматриваются.]

Проблема толерантности мышления и речи может решаться при «специфически гуманитарном» подходе, предполагающем, по мнению Л. М. Баткина, что исследователь имеет дело «именно с автором, с другим, с его мировоззрением и, следовательно, с тем смыслом, который в тексте обрел голос» (Текст 1989: 30). Именно специфически гуманитарный подход к целому тексту (контексту целого научного произведения) позволяет вскрыть механизм как *непреднамеренно*, так и *преднамеренно* нетоле-

рантного речевого поведения автора – поведения, обусловленного непониманием мысли предшественника, непониманием *содержания* того или иного терминированного понятия, особенно понятия, развиваемого автором. Недостаточность лишь ближайшего контекста для формирования смысла какого-либо термина нередко устанавливается благодаря анализу переводческой практики. [В свою очередь, автор должен учитывать это обстоятельство и ориентировать именно весь текст на развертывание определенных научных понятий].

Как пишет Л. М. Алексеева, рассматривая проблемы специфики перевода научного текста, «внимание переводчика научного текста должно быть сосредоточено на работе со *всем текстом*, поскольку большинство переводческих ошибок в научном переводе связано со «сбоем» при установлении соотношения между контекстом и текстом» (Алексеева 2001: 66). Автор приводит пример создания псевдоконцепта «мягкий» в переводе статьи В. В. Налимова «Язык вероятностных представлений»: «Следует отметить, что понятие «мягкости» является основным свойством модели языка науки, разработанной В. В. Налимовым, и определяет достижение автора в разработке теории научного текста. Известно, что мягкостью языка науки В. В. Налимов считал его полиморфность. Употребление слова *weak* в качестве эквивалента термина «мягкость» является концептуальной ошибкой, которая может послужить в дальнейшем источником неадекватного знания» (Алексеева 2001: 70).

В свою очередь, на вопрос, как оценивать речевое поведение автора, если научный текст насыщен отрицательно-оценочными языковыми единицами,

вполне можно ответить, что такое речевое поведение является преднамеренно нетолерантным. Уместно сказать, что средствами выражения негативнооценочных значений выступают разноуровневые языковые единицы, в частности, лексические, словообразовательные, грамматические, а также и несобственно языковые, например графические (кавычки). Например, лексические: *фиктивный, иллюзорный, извращенный, буржуазный*; словообразовательные: *несостоятельность, квазинаука, псевдотеория, псевдопроблемы, иллюзорность, школки, теоретизирование, философствование*; морфологические: *фантазии, притязания, истолкования, фикции, иллюзии*; фразеологические сочетания: *ходячие заблуждения, плоские представления, расхожие иллюзии*; графические средства: «абсолютные» критерии научности, «объективный» метод, представитель «новой философии науки» и мн. др.

Кстати, текстам по разным видам науки использование «нетолерантных» негативнооценочных средств присуще в различной степени. И этот научный факт можно интерпретировать в функционально-стилистическом плане при решении вопросов о влиянии на научный стиль экстралингвистического фактора «вид науки», точнее «форма синтеза знаний и ценностных представлений». Действительно, наука многообразна по своим формам, и то, что справедливо, скажем, для биологии, не может быть отнесено к философии, которая находится, по-видимому, на грани между наукой и идеологией. Применительно же к функциональным стилям речи можно уточнить, что стиль изложения философской проблематики занимает промежуточное положение между научным и газетно-публицистическим. С одной сто-

роны, идеологическая нетолерантность газетно-публицистического стиля, обуславливающая реализацию основного для этого стиля социальнооценочного принципа формирования, с другой – теоретико-идеологическая ориентация ценностного сознания в области философии являются объединяющей средой для взаимодействия газетно-публицистического и научного стилей. Такое взаимодействие функциональных стилей свидетельствует о полевом – ядерно-периферийном – принципе организации научного функционального стиля речи.

Именно целый текст, фиксирующий научное знание в процессе коммуникации, позволяет автору быть участником динамичного *дискурса* – субъектом данного высказывания (текста). Нам представляется чрезвычайно важным замечание П. Серию о том, что «процесс высказывания не развивается по линии намерения, он насквозь пронизан *угрозой смещения смысла* (Курсив наш. – М. К.)» (Серию 1999: 29). П. Серию подчеркивает, что «текст обладает значением только в соответствии с условиями его производства, а также и в соответствии с условиями его толкования [...] *не-высказанное, имплицитное является составным во всяком дискурсе* (Курсив наш. – М. К.)» (Серию 1999: 36).

Как может быть представлено в тексте стремление автора быть понятым читателем несмотря на неизбежную неполноту выражения мысли? На наш взгляд, через создание – прежде всего – единой пресуппозиции, в частности эпистемической базы, соотносимой с эпистемическим контекстом (Котюрова 1985). Эпистемический контекст формируется как эпистемическая ситуация в среде старого знания. Эпистемическая ситуация (воспользуемся, на наш взгляд,

достаточно полным и четким определением Е. А. Баженовой) – это «совокупность взаимосвязанных признаков коммуникативно–познавательной деятельности в единстве составляющих его онтологического, методологического, рефлексивного и коммуникативно–прагматического аспектов, оказывающих систематическое влияние на формирование научной речи, реализованных в научном тексте и определяющих его композиционно–смысловую и стилистико–речевую структуру» (Баженова 2001: 58).

Деятельность по формированию эпистемической ситуации (ЭС) старого знания можно определить как *экспертную*, то есть ориентированную на оценку неизученности предшественниками тех или иных фрагментов онтологического аспекта знания, актуальности/значимости для новой эпистемической ситуации, а также на формирование фрагмента онтологического аспекта знания или ограничение (очерчивание) области поиска проблемной ситуации как источника нового знания. Экспертную деятельность на этапе формирования ЭС старого знания, актуального для поиска проблемной ситуации, можно считать следующим шагом автора «к читателю» – шагом, благодаря которому актуализируется опыт читателя (что существенно в плане коммуникативно–познавательной толерантности), причем актуализируется *прогностически*, с учетом стратегии получения нового знания, независимо оттого, куда читательский «ум направлен». Именно прогностический характер экспертной деятельности на этапе формирования ЭС старого знания соответствует стремлению к толерантности научной коммуникации. Обеспечение прогностической

функции научного текста, каждого его фрагмента – вот задача автора, которую он решает с первых строк создаваемого целого текста.

Интересно, что экспертная деятельность основывается на двух подходах и потому может быть связана либо с констатацией 1) *неизученности* объекта, что является сигналом к прогнозированию предмета исследования, либо, напротив, 2) констатацией достижений, т.е. *изученности* объекта, позволяющей познавать объект в других направлениях. При этом важно, что результат такой экспертной деятельности излагается посредством текста с разной тональностью – от подчеркнуто высокой позитивной (в примерах ниже набрано курсивом) до подчеркнуто негативной оценки (набрано полужирным шрифтом).

Приведем примеры.

«Так, (имярек. – М. К.) ставит целью исследования [...] Однако цель эта реализуется на базе предельно *неупорядоченной терминологии*, что *не* позволяет представить концепцию как непротиворечивую и обладающую объяснительной силой. *Не* определяется природа энергии текста [...] *Не* соотнесены понятия... Слишком широкое [...] толкование текста [...] закономерно ведет к такому определению текста, которое *мало согласуется* с научным подходом к изучению языка [...] Все эти метафоры *ничего не* проясняют в теории понимания текста, в его онтологии [...] *Не* содержит синергетического основания и следующее принципиальное положение автора...» (Герман 2000, 50–51);

«*Вне учета* этих факторов и изучения функционально соответствующих им речевых многообразий *невозможно ни изучение языка [...], ни уяснение его генезиса...*

Все эти видоизменения [...] *прекрасно учитываются современной лингвистикой; но, к сожалению, только учитываются, конкретного же исследования речевых явлений в плоскости обусловленности их теми или иными из указанных факторов почти нет. До сих пор лингвистика работает врозь с патологией речи, до сих пор не исследованы явления эмоциональной речи, нет даже сырого материала по этому вопросу за исключением области словоупотребления, где далеко еще не достигнуто удовлетворительных результатов.* Влияние эмоциональных состояний различного порядка на произношение *совершенно не изучено, а между тем это представляло бы огромный интерес [...]* Точно так же *не исследована в этом отношении и область синтаксиса.*

Особенно плохо обстоит дело в лингвистике с речью при ненормальных состояниях организма [...] выяснение этого вопроса *было бы особенно важно* ввиду того, что [...]

Нужно, однако, заметить, что в порядке изучения языка как явления среды и взаимодействия сред *не поставлен еще вопрос, являющийся до некоторой степени основным. Это еще нерешенная очередная задача.* И, в сущности, только по ее разрешении *может быть в полной мере исследован вопрос и о взаимодействии различных языковых сред* (Якубинский 1986: 17–18);

«Важность для синтаксиса понятия функции отмечается многими современными учеными. Так, А. Мартине считает функцию центральной проблемой синтаксиса. Представляются чрезвычайно плодотворными идеи Мартине [...]

[...] соответственно тому принципу функциональности, который в свое время был выдвинут И. А. Бодуэном де Куртене.

Наибольшая заслуга в разработке понятия функции принадлежит Пражской лингвистической школе, для которой функционализм – основа научной методологии» (Золотова 1973: 7);

«Важное теоретическое значение имеет выдвинутая А. А. Потебней концепция [...] По мысли А. А. Потебни [...] Принципиально важное значение имеет следующее положение А. А. Потебни [...] С нашей точки зрения, это положение А. А. Потебни верно отражает соотношение [...]

[...] Эта фундаментальная мысль А. А. Потебни, которая находит развитие и конкретизацию в целом ряде более частных положений» (Бондарко 1978: 8–9).

Понимание старого с целью создать эпистемическую базу читателя – активная деятельность, поскольку оно связано с аксиологическим, ценностным отношением к тому или иному фрагменту воспринимаемой информации на фоне более широкого, общего научного знания. Эпистемически ценностное отношение является основой экспертной оценки (квалификации) научного знания – оценки соответствия данного фрагмента выработанным в науковедении критериям научности (В. В. Ильин). Ясно, что разная степень развития знания, относящегося к «переднему краю науки», «ядру науки» или «истории науки», степень его уплотнения (от неопределенного до номологического состояния), в конце концов (или, вернее, прежде всего) компетентность ученого, обуславливают формирование ценностного отношения к информации. Активное участие в этом процессе человека не только как субъекта познания, но и как личности в единстве всех его свойств позволяет нам подчеркнуть значимость сложного волевого компонента в аксиологической или, кон-

кретнее, экспертно-эпистемической деятельности. Сложное волевое действие связано с обдумыванием, борьбой мотивов, выбором необходимых речевых средств выражения мысли. Сложное волевое действие осуществляется как функция многофакторной обуславливающей среды – эпистемической ситуации, включающей субъект–объектные познавательные отношения. Как только мы понижаем уровень обобщения субъекта познания до автора конкретного текста, так многофакторность «набирает силу». Кажется неслучайным в научном творчестве Л. П. Якубинского весьма широкое, в преобладающем количестве, использование пространственных квалификативных высказываний.

Толерантность речи – это качество речи как в ее целостности, обобщенности, так и в ее фрагментарности, непосредственности текстообразования, т.е. в ограниченном контексте. Действительно, даже отдельные негативные номинации типа *лженаука*, *квазинаука*, *псевдо-теория* и др., использованные лишь в одном фрагменте научного произведения – история вопроса – не позволяют говорить о толерантности ученого в научной коммуникации, даже если весь дальнейший текст посвящен изложению лишь авторской концепции. Представляется, что при несогласии автора с концепцией предшественника предпочтительнее явилось бы стремление первого отделить зерна от плевел либо, в крайнем случае, использовать «фигуру умолчания», а не «приклеенный ярлык», тем более что принцип «не навреди» (в данном случае речь может идти о научном знании как целостном организме) общеизвестен и может быть применим не только в области медицины. На наш взгляд, каковы бы ни были причины появления – непред-

намеренного или преднамеренного – в тексте даже отдельных негативнооценочных «изречений», их можно считать знаками нетолерантного речевого поведения ученого. Уместно сказать, что и «фигура умолчания» предпочтительна лишь в сопоставлении с резкоотрицательной оценкой, причем оценкой обобщенной, «огульной». Вообще же, в научном произведении «фигура умолчания» является средством экспликации негативного отношения автора к предшественнику, если речь идет о сложившейся эпистемической ситуации, уже зафиксированной в тех или иных научных текстах.

Именно целый текст, точнее, текст целого научного произведения, высвечивает непреднамеренность нетолерантного речевого поведения автора – непреднамеренность, обусловленную непониманием мысли предшественника, его недостаточной эрудицией, узкой целесообразностью, сугубо «дискретным» подходом к предшествующему знанию, к тому же с чисто прагматическим уклоном одного автора поддержать, о другом – умолчать.

Известно, что любой научный текст диалогичен. Выполняя коммуникативную функцию, он представляет собой питательную среду для проявления как толерантности, так и нетолерантности автора по отношению и к предшественникам, и к современникам, и к читателям в целом, являясь свойством межсубъектной коммуникации. Понимая субъект коммуникации с учетом разных уровней обобщения (личность, группа, социум, ориентированный на единство профессиональных, религиозных, национальных и др. интересов, и т. д.), можно легко представить, что на разных уровнях обобщения коммуникации субъектам

присуща толерантность, терпимость, проявляющаяся в той или иной степени (и в той или иной форме) осознанно, посредством использования социальных коммуникативных средств, либо неосознанно, как фоновое качество речи. Естественно, что в любом случае оно формируется на текстовой основе и потому является свойством целого текста. Другое дело, что в текстовой ткани можно обнаружить целый арсенал средств, ориентированных полифункционально, в том числе на актуализацию толерантности межсубъектной коммуникации.

В отношении научного текста проф. М. Н. Кожина осуществила специальное исследование проблемы диалогичности научной речи, дала глубокий анализ обширной литературы и представила структуру функционально-семантически многопланового явления диалогичности научной речи (Кожина 1986). С учетом именно диалогичности (точнее, полилогичности) текста целого научного произведения можно говорить о наличии условий для демонстрации толерантности – нетолерантности автора в процессе коммуникации. Толерантность всегда выступает антиподом «высокомерия», фетишизации как свойств личности, группы, социума – психологических, профессиональных, религиозных, национально-культурных и т. п., так и свойств объекта познавательной деятельности, например, достоинств собственной концепции.

Представляется, что по существу не что иное, как толерантность по отношению к другому вынуждает ученого, автора текста, описывать, определять, объяснять, иллюстрировать – выполнять множество ментальных действий по формированию информационного

пространства для читателя. Получение научного знания, т.е. абстрагирование от частных признаков, выявление и фиксация все более общего, всегда сопровождается усилением *субъективности*, поскольку исследователь всегда связан определенными теоретическими установками, т.е. *своим* пониманием объекта. Именно поэтому научное знание, причем в любой области науки, характеризуется перманентным состоянием проблемности, т.е. наличием проблем решенных, решаемых усилиями многих исследователей при «громкой концентрации внимания» к этим проблемам, а также постоянно обнаруживаемых, нередко требующих длительного решения. Состояние проблемности (как основы конфликтности) в тех или иных разделах науки может быть описано стереотипными средствами и по стереотипной схеме: «Проблемы [...] продолжают вызывать острые споры среди [...] Эти проблемы решаются по-разному различными [...] школами в зависимости от их общетеоретических позиций. Даже в рамках одной и той же школы можно наблюдать заметные расхождения как в понимании самого явления [...], так и в освещении свойств, особенностей и отдельных сторон [...], характеризующих его природу. Поэтому обсуждение спорных вопросов теории [...], и в частности [...], остается актуальной задачей» (в сокращении приведен фрагмент из: Солнцев 1977: 5).

Как только мы обращаемся к тексту научного произведения в качестве не только средства хранения, но и средства полисубъектной – полилогической – коммуникации в процессе познавательной деятельности, так обнаруживаем возможности проявления толерантного/нетолерантного отношения автора

текста к другому субъекту коммуникации. Ситуация решения проблемы (и чем последняя сложнее, тем очевиднее) аналогична пожару, когда действительное участие в событии актуализирует лучшие качества людей, но вполне возможно непонимание логики действий кого-либо, в результате чего могут возникнуть коммуникативные конфликты. Понятно, что нетолерантность имеет гносеологические (конфликтность старого и нового знания), психологические (конфликтная личность), психолингвистические (недостаточная языковая компетенция) и другие корни.

Пытаясь структурировать «питательную среду» нетолерантности, прежде всего отметим интерес философов и ученых к «альтернативным направлениям (так называемым концептуальным и стилевым альтернативам – М. К.), которые находятся в состоянии борьбы между собой, взаимной критики и оспаривания права на лидерство в соответствующей области исследований» (Толстов, Филатов 1988: 146). Состояние борьбы, по-видимому, неизбежно при том, что, например, в физике только стилевых, или мировоззренческих, альтернатив около 100 (Толстов, Филатов 1988: 150, ссылка на Дж. Холтона), «в экономической литературе имеется около 15 точек зрения на исходную «клеточку» политической экономии социализма» (Конкин 1988: 168); аналогично в других областях науки, см., в частности: «специальные определения языка варьируют от школы к школе и связаны со степенью разработанности в рамках данной школы онтологии языка» (Солнцев 1977: 11); «Было бы исторически неоправданным требовать единства замысла, целесообразности частей целого от существующего синтаксического учения: основы

этой древнейшей науки разрабатывались еще в античности, а последующие века, накапливая огромной ценности материалы и обобщения, усугубляли вместе с тем эклектичность, многослойность теории» (Золотова 1973: 5); «Многолетнее обсуждение этой проблематики привело к появлению большого числа различных трактовок соотношения стилей языка и стилей речи (иногда с использованием иной терминологии), в которых зачастую неодинаково определяются исходные понятия...» (Салимовский 2001: 7).

Совершенно ясно, что формирование различных направлений в немалой степени обусловлено тем, что «в создании концепций важная роль принадлежит творческому воображению ученых, которому свойственно двигаться в различных, подчас противоположных направлениях (Курсив наш. – М. К.)» (Толстов, Филатов 1988: 148). История науки свидетельствует об одновременном существовании альтернативных теорий электричества, теплоты, света и т.п. – так называемых концептуальных альтернатив. «Многие споры и дискуссии между теоретиками разгораются именно тогда, когда сталкиваются подобные альтернативы, каждая из которых претендует на единственно истинное объяснение действительности [...] возникают дискуссии, подоплекой которых является убежденность сторон в том, что только их подход дает адекватное понимание... (Курсив наш. – М. К.)» (Толстов, Филатов 1988: 148, 152). Это ли не пример фетишизации фрагмента – и не только фрагмента! – научного знания?! Поэтому представляются совершенно справедливыми слова названных авторов о том, что «нужно обладать чрезмерным (и, заметим ни методологически, ни

этически не оправданным) *самоуверенностью*, чтобы утверждать, что *собственная научная концепция является единственно достоверной* и что *альтернативные научные аргументы можно не принимать в расчет*», что «единственно рациональной стратегией в отношении концептуальных альтернатив является создание и поддержание таких организационных форм и *этических норм научной деятельности*, в которых все более или менее плодотворные альтернативы могли бы внести свой вклад в коллективный процесс производства знаний» (Толстов, Филатов 1988: 153, 149). Фетишизацией своей концепции иногда «грешат», как известно, блестящие теоретики. Так, например, М. фон Лауэ и М. Борн писали в некрологе М. Абрагаму, что он «испытывал глубокую *антипатию* к эйнштейновским абстракциям. Он *любил свой абсолютный эфир*, свои полевые уравнения, свой жесткий электрон [...] Его *враждебность* коренилась в фундаментальнейших физических представлениях, которые он в соответствии со своими убеждениями разделял до конца» (цит. по: Дialeктика 1988: 151–152).

Как известно, даже просто читательский опыт (чтения научной литературы) показывает, что «в пылу полемики» или под тяжестью идеологического груза авторы прибегают к уничижительным выражениям. Ограничимся несколькими примерами:

«[...] такое высказывание в общей системе его взглядов кажется неожиданным, *чисто декларативным*» (Аврорин, 17); «После такого предисловия мы вправе были бы ожидать описания специальных методов [...] К сожалению, *ожидания наши не оправдываются*»;

«...Попытки этой обнаружить *не удается*» (Аврорин, 242);

«...Тирада эта *сомнительна по существу*» (Аврорин, 243);

«... При всем самом искреннем желании читатель *не может обнаружить* в книге описания хотя бы одного методического приема исследования, равно как и применения по-новому уже известных методических приемов. Трудно поверить тому, что автор мог попросту забыть сказать об этом» (Аврорин, 243).

Понимание *другого* реализуется в научном тексте – посредством формирования субтекста старого знания, который «развертывается параллельно содержанию субтекста нового знания, создавая *второй смысловой план* научного текста» (Баженова 2001: 221). Субтекст старого знания создается благодаря использованию таких форм, как субъективированное (авторизованное) понятие, дефиниция, умозаключение, выводное суждение и др. (см. о внутреннем устройстве субтекста старого знания, или составе его микросубтекстов: Баженова 2001: 160–161). К негативным сторонам создания эпистемической ситуации старого знания можно отнести: 1) неполноту формирования эпистемической ситуации, когда актуализируются не все аспекты, а только онтологический и методологический; например: «В работе [11] предложен метод *оценки энергий связей в нитридах титана и циркония*, основанный на предположении существования *двух подполос энергий, отвечающих связям М—М и М—N*. Этот метод очень близок к подходу Мюллера *вычисления энергий связей в стеклах*» (Резницкий, 42); «В связи с этим был предложен [43–46] метод *расчета фазовых диаграмм состояния в рамках модели субрегулярных растворов, учитывающей зависимости энергий взаимодействия в различных фазах от*

состава и температуры» (Гусев, 261) – оценка значимости метода для получения нового знания не эксплицирована; 2) экспертные оценки лишь негативного характера, данные в резких, «жестких» выражениях без убедительной аргументации; например: «Представляется целесообразным кратко рассмотреть, как решались эти кардинальные вопросы и насколько мы ушли вперед по сравнению с пражскими коллегами [...] *Еще большую путаницу внесло обращение к проблемам функциональной стилистики [...] Выявление характеристик текста производится с помощью «объективного» метода [ирония. – М. К.] – путем скрупулезного подсчета частотности употребления [...] Все, что говорилось о стилистике вообще, имеет непосредственное отношение и к функциональной стилистике, в которой широта исследований заменила глубину – не было поставлено или разработано ни одной новой проблемы по сравнению с тем, что уже было сделано пражцами»* (Левицкий 1998: 40–47); 3) преимущественно формальное цитирование (см. об этом: Котюрова 2001: 248–249), когда внимание автора привлекают риторические достоинства (образность, выразительность, точность и др.) текста предшественника, 4) умалчивание заслуг предшественников (см. об этом: Стоянович 2000); 5) погрешности в выражении мысли, приводящие к ее затемнению, неясности; например: «Очевидно, что дополнительные коннотативные наращения насмешки, иронии, циничной бравады *самым тесным образом связаны со всеми модусами экспрессивности* криминальной метафоры: снижением и вульгарностью, усилением и аффектацией, и *поэтому* вычленение отдельных коннотаций *носит условный характер,*

можно говорить лишь о преобладании какого-то семантического компонента в сложной семантико–прагматической структуре криминонима» (Химик 2000: 121). Местоименное слово *поэтому* соединяет как фрагменты, выделенные курсивом, так и фрагменты, набранные полужирным шрифтом.

Толерантность в научной коммуникации в плане *стремления автора* текста *быть понятым* читателем предполагает терпимость, снисходительность одного из коммуникантов по отношению к другому. Выражение стремления автора быть понятым читателем, само по себе свидетельствующее об уважительном, даже предупредительном отношении к последнему, может иметь и негативные стороны. Так, оно (выражение) может страдать, с одной стороны, излишней полнотой, избыточностью, а с другой – излишней лапидарностью, плотностью, констатацией без необходимой аргументации, лишь частичным разъяснением, а также постепенной «выдачей» информации, без подчеркнутого убеждения читателя в правоте автора, «внушения» ему авторской позиции посредством речевых вариативных повторов.

Наши рассуждения неизбежно приобретают культурноречевой характер, поскольку относятся к тому, насколько гармонично, комфортно «чувствует себя» новое знание в рамках (либо на фундаменте) старого, известного. В связи с последним новое знание, во-первых, может плавно вписаться в общий фонд знания; во-вторых, может вызвать временное резкое неприятие, отторжение, в частности, отнюдь не толерантное к себе (а нередко и к автору) отношение; в-третьих, может оказаться легко забытым, пополнив пласт «истории науки».

Можно ли быть адекватно понятым любым читателем – неизвестным автору человеком? Ответ однозначен: нет, невозможно. И это подтверждено экспериментами социальных психологов¹⁾, свидетельствующими о важности для общения общего предварительного знания (эпистемической пресуппозиции). И не только предварительного знания²⁾.

116

В заключение подчеркнем следующее. Проблема толерантности в научной коммуникации многоаспектна уже потому, что многоаспектно и многомерно средство коммуникации – текст. Учитывая только три основных направления деятельности автора в процессе формиро-

вания научного текста, в частности, познавательную, коммуникативную и текстовую, можно отметить проявление толерантности на основе следующих принципов: 1) целесообразный, а значит, позитивный отбор компонентов знания, актуального для автора текста, а не отрицание того, что за пределами знания, актуального для предшественника; отсюда 2) позитивная оценка актуализированного старого знания; со знаком «минус» – фигура умолчания в коммуникативном блоке «история вопроса», резкая негативная оценка старого, формальное цитирование и т. д.; 3) гармоничная организация текста с соблюдением принципа

- 1) Дифференциация себя от другого достаточно элементарный процесс, хотя она имеет фундаментальный характер, так как на ней основывается вся последующая дифференцировка социального мира. В исследовании Р. Н. Краусса и С. Фусселя были отобраны «пары испытуемых, которые считали себя друзьями. Надо было обозначить бессмысленные фигуры таким образом, чтобы друг мог узнать эти фигуры. Спустя две недели все испытуемые были еще раз приглашены в лабораторию. Каждый испытуемый должен был установить соответствие бессмысленных фигур трем типам обозначений, сформулированных: 1) самим испытуемым (собственные обозначения); 2) его другом (обозначения друга); 3) случайно выбранным испытуемым для своего друга (обозначения незнакомого человека). Каждому типу обозначений соответствовала разная точность идентификации рисунков. Испытуемые были наиболее точны при использовании сообщений, сформулированных ими самими. Кроме того, они точнее идентифицировали фигуры по сообщениям, сформулированным специально для них (т.е. по обозначениям друзей), чем других людей (обозначениям незнакомого человека). Хотя различие между точностью идентификаций по названиям незнакомого человека составляет примерно 5%, эта величина статистически достоверна» (Краусс 1988: 88).
- 2) Кстати, в обобщающей статье А. К. Киклевича представлен опыт систематизации аспектов понимания текста и – что особенно важно в рассматриваемом плане – факторов понимания: структурно-речевой – имманентно-языковые характеристики текста; системно-языковой – степень подобия вербальных кодов коммуникантов; ситуативный – референциальные характеристики текста; когнитивный – неязыковые знания коммуникантов о предметной области текста; интерактивный – прагматическая функция текста как его роль в процессе социального взаимодействия; социо-регулятивный – знание норм социального поведения; композиционный – отношения между языковыми знаками в содержательной структуре знаков большего формата; ассоциативный – виртуальные отношения знаков (знания об окружающих текстах) (Киклевич 2001: 19). Отсюда видно, как разнообразны факторы не только понимания, но и непонимания текста.

равновесия полноты и избыточности общей и частной информации, коммуникативно старого и коммуникативно нового знания, вводимого посредством таких речевых средств, как речевые вариативные повторы, акцентуаторы (включая несобственно языковые, например, графические) и др. Однако наряду с толерантностью может проявляться и нетолерантность: с одной стороны, своеобразное «недоверие» к читателю, его способности понять мысль автора, при-

водящее к насыщению текста речевыми вариативными повторами, акцентуаторами, средствами выражения диалогичности и т. д. С другой стороны, «игнорирование» читателя, закономерностей психологии восприятия научного текста, что обуславливает неполноту выражения коммуникативной ориентации текста (минимальное наличие речевых вариативных повторов, акцентуаторов, нелингвистических средств и т. д.).

117

summary

Σ Scientific Communication and Tolerance

Scientific style is regarded as the way of actualization of a characteristic quality of “proper speech” – tolerance, interpreted in two sense: on the one hand, regarding the author’s expert and prognostical activity, i.e. complete *understanding* and favourable axiologization of previous knowledge (in other case it may be regarded as conscious or unconscious nontolerant speech behaviour of the author, using unfavourable language means); on the other hand, regarding the author’s intention *to be understood* by the reader, i.e. with the help of a set of logical operations, as well as actualization of his subjective view of the situation described, to achieve the effective communication.

Литература

- Аверьянов 1981: **Аверьянов, А. Н.** Методологические проблемы диалектических противоречий. In: Вопросы философии. – Москва. – № 2.
- Аверьянов 1988: **Аверьянов, А. Н.** Содействие: понятие, структура, динамика. – In: Диалектика и научное мышление. – Москва.
- Алексеева 2001: **Алексеева, Л. М.** О специфике перевода научного текста. – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – С. 63-73.
- Баженова 2001: **Баженова, Е. А.** Научный текст в аспекте политекстуальности. – Пермь.
- Бондарко 1978: **Бондарко, А. В.** Грамматическое значение и смысл. – Ленинград.
- Герман 2000: **Герман И. А.** Лингвосинергетика. – Барнаул.
- Зверева 1977: **Зверева, Е. А.** О некоторых особенностях употребления аналитических форм сослагательного наклонения в английской научной прозе. – In: Язык и стиль научной литературы. – Москва.
- Золотова 1973: **Золотова, Г. А.** Очерк функционального синтаксиса русского языка. – Москва.
- Киклевич 2001: **Киклевич, А. К.** Опыт систематизации аспектов понимания текста – In: Русский текст. – Российско-американский журнал по русской филологии. – Санкт-Петербург.

Система 2002

- Ким, Блажевич 1998: **Ким, В. В., Блажевич, Н. В.** Язык науки: философско-методологические аспекты. – Екатеринбург.
- Кожина 1986: **Кожина, М. Н.** О диалогичности письменной научной речи. – Пермь.
- Конкин 1988: **Конкин, М. В.** Социальное противоречие как система (методологический аспект). – In: Диалектика и научное мышление. – Москва.
- Котюрова 1985: **Котюрова, М. П.** О выражении отношений между текстом и эпистемическим контекстом. – In: Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та.
- Котюрова 2001: **Котюрова, М. П.** Творческая индивидуальность и цитирование. – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь.
- Краусс 1988: **Краусс, Р. Н.** Познание и общение. – In: Познание и общение. – Москва: Наука.
- Левицкий 1998: **Левицкий, Ю. А.** Проблема типологии текстов. – Пермь.
- Лысков 1997: **Лысков, А. П.** Человек: путь к цивилизации. Философский аспект социальной и культурной антропологии. – Москва: Гуманитарий. – 118 с.
- Резницкий 1991: **Резницкий, Л. А.** Химическая связь и превращения оксидов. – Москва.
- Салимовский 2001: **Салимовский, В. А.** Некоторые эвристические следствия из жанроведческого подхода в стилистике: проблема стилей языка и стилей речи – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь.
- Серио 1999: **Серио, П.** Как читают тексты во Франции. – In: Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. Пер. с франц. и португ. – Москва.
- Стоянович 2000: **Стоянович, А.** Квазиэлитарный научный текст в аспекте стереотипизации. – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь.
- Текст как явление культуры, ред. Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. 1989: Новосибирск.
- Толстов, Филатов 1988: **Толстов, А. Б., Филатов, В. П.** Роль альтернатив в развитии науки. – In: Диалектика и научное мышление. – Москва.
- Троянская 1982: **Троянская, Е. С.** Лингвистическое исследование немецкой научной литературы. – Москва.
- Троянская 1983: **Троянская, Е. С.** Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии. – In: Язык и стиль научного изложения. – Москва.
- Химик 2000: **Химик, В. В.** Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – Санкт-Петербург.
- Хорошая речь. Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. 2001: Саратов.
- Человек: образ и сущность (Гуманитарные аспекты). Толерантность и архитектоника эмоций. 1996: Москва.
- Щукарева 1980: **Щукарева, Н. С.** Способы выражения некатегоричности высказывания в английском языке (на материале научной дискуссии). – In: Функциональный стиль научной прозы: Проблемы лингвистики и методики преподавания. – Москва.
- Якубинский 1986: **Якубинский, Л. П.** Избранные работы. Язык и его функционирование. – Москва.